

ИРАНСКАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА ВЫЗЫВАЕТ СЕРЬЕЗНЫЕ ВОПРОСЫ

Владимир Орлов

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ № 3 (73), Том 10, 2004 г.

18 июня 2004 г. Совет управляющих МАГАТЭ принял резолюцию о ситуации с продвинутой ядерной программой Ирана и о применении положений Дополнительного протокола МАГАТЭ в этой стране. Отметив достигнутый прогресс, Совет управляющих обратил внимание на остающиеся вопросы: решение Ирана возобновить работы по конверсии урана, продолжение производства оборудования для центрифуг, несмотря на добровольное решение иранского руководства о прекращении любой деятельности в области переработки и обогащения урана, проволоочки в ратификации Дополнительного протокола и др. «Краеугольным камнем иранского досье остается следующий: когда, наконец, Иран полностью откроет нам свою программу по обогащению? Этот вопрос нам еще предстоит решить. И при его решении мне бы хотелось видеть активное и деятельное участие иранской стороны», – отметил в своем выступлении генеральный директор МАГАТЭ М. Эльбарадей.

Реакция Ирана последовала незамедлительно: 25 июня 2004 г. стало известно, что Тегеран известил МАГАТЭ и «тройку» Евросоюза в лице Великобритании, Франции и Германии о возобновлении производства газовых центрифуг, используемых для обогащения урана.

Напомню, что еще 1 июня 2004 г. М. Эльбарадей, на основе переданных иранской стороной почти тысячестраничных данных, а также проведенных Агентством инспекций и собственных бесед с руководством Ирана, выпустил доклад, который и обсуждался в Вене 14–17 июня 2004 г.

С одной стороны, в декабре прошлого года Иран подписал Дополнительный протокол к соглашению о гарантиях с МАГАТЭ. Он, правда, пока не ратифицировал его, но придерживается его положений. Подписание протокола прошло без каких-либо серьезных затяжек или условий с иранской стороны. Это особенно примечательно, учитывая, что вообще-то подписание этого протокола идет медленно: к настоящему времени к нему присоединились только 83 страны, а такие крупные и амбициозные государства, как Бразилия, продолжают уклоняться от присоединения к протоколу. Однако проволоочки с ратификацией уже вызывают соответствующую негативную реакцию МАГАТЭ – в резолюции Совета управляющих на это обстоятельство обращено внимание.

Далее, Иран заморозил программу по обогащению урана, вызывавшую особенное беспокойство международных инспекторов. МАГАТЭ, правда, с задержками, смогло удостовериться в этом. Однако заявление Ирана о возобновлении производства центрифуг для обогащения урана резко осложнило ситуацию. Так, в заявлении заместителя Госсекретаря США Дж. Болтона от 25 июня 2004 г. говорится, что «это решение противоречит обязательству (Ирана. – *В.О.*) заморозить работы в сфере подозрительной ядерной деятельности».

Однако, несмотря на возникающие трудности, Иран продолжает сотрудничество с МАГАТЭ, и Агентству в основном предоставлена возможность для всеобъемлющего

изучения продвинутой ядерной программы Ирана. Хотел бы напомнить, что именно такое требование содержалось в жестком документе годичной давности, подписанном во французском Эвиане лидерами «восьмерки», включая Россию.

С другой стороны, чем глубже «копают» инспекторы МАГАТЭ, тем больше возникает нестыковок. Часть из них – иногда обтекаемо – названа в июньском докладе М. Эльбаррадея.

Прежде всего, Иран предоставил пока что не слишком убедительные разъяснения по поводу факта загрязнения U₂₃₅ (замечу – 36%-ного обогащения!) на предприятиях в Калайе и Фарайанде некоторых комплектующих к центрифугам, поставленных ранее в Иран из других стран. Не могу исключить, что речь идет об уране российского происхождения. Как он попал в Иран? Зачем? Могу предположить, что его путь в Иран совсем не обязательно пролегал напрямую из России, а, скорее всего, через другие государства бывшего СССР.

Далее, у МАГАТЭ сохраняется ряд вопросов к Ирану по поводу импорта, производства и масштабов использования центрифужного оборудования. Ответы иранской стороны на некоторые ключевые вопросы инспекторов пока невняты, а замораживание деятельности по обогащению урана не является полноохватным, – признав это, лидеры «восьмерки» на саммите на о. Морской выразили свою «глубокую обеспокоенность».

Еще один любопытный вопрос – о производстве Ираном Po-210. Пока не ясно, зачем иранцам понадобилось экспериментировать с полонием. В мирных целях он может использоваться для развития космических программ, что в данном случае вряд ли правомерно предполагать. А вот в сочетании с бериллием Po-210 используется в военных ядерных программах.

Что еще более серьезно, так это несколько полос препятствий, которые приходится преодолевать МАГАТЭ, а также представителям европейских государств (России, Великобритании, Франции и Германии) в их диалоге с иранской стороной. Нередко случается, когда от дипломатов они слышат одно, а технические специалисты-ядерщики говорят им совсем другое. Или – ничего не говорят. Руководитель Организации по атомной энергии Ирана (он же по должности вице-президент Ирана), судя по всему, подчиняется не столько президенту М. Хатами, сколько духовному лидеру А. Хаменеи. В то время как иранские дипломаты во главе с министром К. Харрази настроены достаточно кооперативно и открыто, руководители иранской ядерной программы «темнят», подчас подставляя своих коллег-дипломатов. Что это – игра перед внешним миром в «хорошего» и «плохого» полицейского, или точнее – в хорошо и плохо осведомленного специалиста? Или же – сохраняющийся серьезный раскол внутри иранского руководства по поводу сотрудничества с МАГАТЭ и – шире – о конечном предназначении иранской ядерной программы? Такой раскол, безусловно, имел место в 1980–1990-е гг., но в последнее время появилась надежда, возможно, иллюзорная, что президент М. Хатами стал лучше контролировать своих ядерщиков и их конечные замыслы.

Как бы то ни было, все это тревожные симптомы.

Не может не тревожить и история российско-иранского ядерного диалога. Иранская сторона за последние годы нередко вводила российскую сторону в заблуждение или, проще говоря, дезинформировала ее относительно масштабов собственной ядерной программы. Хотя с учетом того, что Россия сегодня – единственный партнер Ирана в развитии там атомной энергетики, Москва была бы вправе рассчитывать на куда большую откровенность Тегерана.

Сейчас с подобными проблемами, вероятно, сталкиваются Великобритания, Германия и Франция, предпринявшие осенью прошлого года, параллельно с Россией, немалые усилия по убеждению Ирана в необходимости более активно сотрудничать с МАГАТЭ.

Иран, в свою очередь, считает, что уже прошел достаточную часть пути, чтобы получать не только очередные удары кнута, но и наконец «пряники». Речь, среди прочего, может идти о создании Ираном совместного с этими странами Европы и Россией консорциума по производству обогащенного урана, строительству в Иране новых атомных энергоблоков.

Соединенные Штаты в оценке иранской ситуации занимают на сегодняшний день позицию, значительно отличающуюся от позиции Европы и МАГАТЭ. США убеждены, что в Иране развернута продвинутая военная ядерная программа и что принято политическое решение, прикрытое сотрудничеством с МАГАТЭ, создать ядерное оружие в короткие сроки. Таким образом, считают в Вашингтоне, говорить с Ираном – не главное; главное – Иран нужно остановить.

Имеющиеся сегодня данные МАГАТЭ, насколько я понимаю, дают пока отрицательный ответ на вопрос, есть ли в Иране серьезная военная ядерная программа. Инспекторы продолжают работать. Учитывая большое количество остающихся вопросов и «замедленную реакцию» иранских властей при ответах на наиболее чувствительные из них, нельзя исключать, что инспекторы в дальнейшем скорректируют свои выводы. Этому мог бы способствовать и более активный обмен информацией между МАГАТЭ и теми государствами, которые, как им кажется, обладают тревожной информацией относительно Ирана. И тут можно согласиться с высокопоставленным представителем администрации США, который заявил в ходе саммита на острове Морской о наличии консенсуса между государствами «восьмерки» по стратегическому подходу в отношении Ирана: Иран с ядерной бомбой ни для кого из них неприемлем. Так что Тегерану не стоило бы заблуждаться о наличии серьезных разногласий между государствами «восьмерки» в подходе к Ирану.

Разногласия остаются. Но они касаются тактических вопросов.

Как строить отношения с Ираном – нашим «давним, стабильным партнером», как назвал его недавно президент В.В. Путин, – серьезный вопрос для России. Не видя пока что оснований для сворачивания строительства первого энергоблока Бушерской АЭС, Россия обуславливает продолжение сотрудничества, во-первых, честным и динамичным диалогом Ирана с МАГАТЭ по всему спектру поставленных вопросов, во-вторых, ратификацией подписанного Ираном Дополнительного протокола и, в-третьих, заключением соглашения между Россией и Ираном о возврате в Россию с Бушерской АЭС отработанного ядерного топлива (ОЯТ). Поэтому важно, что министр иностранных дел Ирана К. Харрази в мае 2004 г. подтвердил: «Отработавшее топливо нужно

возвращать в Россию». Наконец, в духе обсуждений лидерами «восьмерки» на о. Морской, Москва приветствовала бы решение Ирана заморозить обогащение урана на постоянной основе, а не на временной. В вопросе об обогащении, впрочем, дипломаты могли бы поискать компромиссы.

Одно из решений «восьмерки» на острове Морском направлено на то, чтобы исключить сотрудничество в вопросах ядерного топливного цикла с государствами, нарушающими свои обязательства в области ядерного нераспространения и гарантий МАГАТЭ. Впрочем, приостановить такое сотрудничество или вовсе отказаться от него могут только правительства самих стран-экспортеров или же Совет Безопасности ООН. Другое решение позволяет не допустить Иран к обсуждению вопроса в МАГАТЭ о его собственном «ядерном досье», если нарушения, допущенные Ираном, будут признаны не просто «техническими».

И все же уже выявленные МАГАТЭ несоответствия и нарушения заставляют сегодня Россию подходить к сотрудничеству с Ираном более щепетильно, чем ранее.

Иранская сторона, публично называя сотрудничество с Россией «образцовым», на деле начинает нервничать. Один из наиболее влиятельных игроков по «ядерным вопросам» в Иране – секретарь высшего совета национальной безопасности Х. Роухани призвал «дружественную Россию к тесному сотрудничеству с Ираном» накануне июньского заседания Совета управляющих МАГАТЭ. Он же указал на «необходимость форсирования» строительства Бушерской АЭС, намекнув, что «этот проект рассматривается в качестве индикатора отношений и даже уровня доверия между двумя странами».

Это, конечно, так. Наверное, при решении выше обозначенных вопросов ничто не мешает России вести переговоры по строительству в Иране второго Бушерского энергоблока, да и АЭС на новых площадках. Но с «уровнем доверия» уже не раз возникали проблемы, и их как раз надо бы адресовать иранской стороне.

Также вряд ли можно согласиться с Х. Роухани, когда он говорит, что у МАГАТЭ «в настоящее время не осталось никаких неопределенностей в отношении деятельности Ирана в ядерной сфере».

Поэтому «иранское досье» закрывать рано. Наоборот, его следует оставить на повестке дня, на одном из самых видных мест. Это понимают и в Вене, и в Москве, и в других европейских столицах. Думаю, что понимают это и в Тегеране.

В то же время, рассматривая в МАГАТЭ иранский вопрос и говоря о необходимости крайней сдержанности в сотрудничестве с Ираном, не следует впадать и в другую крайность.

Сегодня МАГАТЭ обладает всеми возможностями для завершения полномасштабной проверки иранской ядерной программы, а также для дальнейшего мониторинга. Надо помочь в этом МАГАТЭ, но не стоит подталкивать эту организацию на политические заявления, которые не совпадали бы с выводами инспекторов. В совсем недавней истории мы уже имели примеры «сенсационных» повестей об обнаружении программ

оружия массового уничтожения... Потом следовала смена режима без санкции международного сообщества... А потом – сеанс разоблачения.

Не видно пока оснований и для передачи «иранского досье» в Совет Безопасности ООН. При этом понятно, что при обнаружении серьезных нарушений Ираном Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) такой поворот не исключен. И в случае выявления серьезных нарушений и прекращения Тегераном сотрудничества с МАГАТЭ Россия вряд ли будет блокировать передачу «досье» в СБ ООН.

России в активном сотрудничестве с Великобританией, Германией и Францией, а возможно, и с некоторыми другими европейскими странами, имеющими традиции диалога с Ираном, следует максимально способствовать повышению эффективности диалога между МАГАТЭ и Ираном.

России следует также расширить число своих «контактеров» в Иране: свою позицию и обеспокоенность важно доносить не только до президента М. Хатами и его министра иностранных дел, но также и до таких традиционно влиятельных лиц, как Х. Рафсанджани, прекрасно осведомленных о ситуации с ядерной программой своей страны и способных искать и находить конструктивные развязки.

В настоящий момент в равной степени были бы опасны как поспешное закрытие «иранского досье», так и непродуманное излишнее давление на Иран, которое может привести к тому, что страна, ныне (пусть и не всегда адекватно) сотрудничающая с МАГАТЭ, в раздражении и под влиянием внутривнутриполитических трений хлопнет дверью, покинет МАГАТЭ и ДНЯО, как это сделала в свое время Северная Корея.

Что последует за этим? Цепная реакция. Ядерный Иран будет означать активизацию интереса к ядерному оружию у Саудовской Аравии (ее связи с Пакистаном еще предстоит проследить и предать гласности), возможно, также Египта и Турции. ДНЯО будет разрушен, регион, да и весь мир – дестабилизированы.

Таким образом, Иран держит в своих руках ключ к режиму ядерного нераспространения. Его лидеры, какими бы серьезными ни были их противоречия в вопросах о ядерном выборе Ирана, это хорошо понимают. Следовательно, у них может появиться соблазн шантажа.

Но пока еще Иран, похоже, не сделал выбора между политикой шантажа и ответственным поведением на международной арене. Нужно убедить его, что именно, и только последнее принесет ему гарантии безопасности в настоящем и политические и экономические дивиденды в будущем. У России есть все возможности проиллюстрировать своим иранским партнерам эти аргументы.